



18+

Д. М. ЛЕОНТЬЕВ

ПАТРИОТИЧНЫЕ СКАЗКИ

ТОТАЛЬНЫЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТЕБ

Д. М. Леонтьев

**Патриотичные сказки.
Тотальный политический стеб**

«Издательские решения»

Леонтьев Д. М.

Патриотичные сказки. Тотальный политический стеб /
Д. М. Леонтьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853436-2

Кто заигрывает с резиновой женщиной и стреляет из пистолета по матрешкам? Кого видят во сне будущие сотрудники ФСБ? Кто способен протащить верблюда через игольное ушко, спуститься в ад, подняться в рай и порвать рейтинги телеэфира? Кто посылает губернаторов в жопу и переодевается кроликом? Ответы на все эти вопросы вы найдете внутри.

ISBN 978-5-44-853436-2

© Леонтьев Д. М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Том первый.	8
Сказка 1	8
Сказка 2	9
Сказка 3	14
Сказка 4	16
Сказка 5	18
Сказка 6	19
Сказка 7	21
Сказка 8	24
Сказка 9	27
Сказка 10	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Патриотичные сказки Тотальный политический стеб

Д. М. Леонтьев

Редактор Анна Хламова

Иллюстратор Ирина Романовская

Корректор Ольга Петрова

Иллюстрация на обложку Евгения Паутова

© Д. М. Леонтьев, 2019

© Ирина Романовская, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-3436-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Банда Отмороженных Журналиг («БОЖЕ») и Антигламурный фронт представляют двухтомник «Патриотичных сказок». В жанре тотального политического стеба книга повествует о национальной идее Евразийского экономического союза.

Центральный персонаж книги: Владимир Владимирович. Участвуют также: Бог, Чебурашка, Гагарин, глава Чеченской республики, прокурор Крыма, директор ФСБ, Немцов, Ленин, Иван Грозный. Действие разворачивается в Кремле, в здании ФСБ, в ресторане «Доктор Живаго», в чебуречной «Дружба», в соборе Василия Блаженного, в раю, в аду, в космосе, на телевидении.

Обыгрываются: Прямая линия Президента, презентация Iphone, ночная жизнь Мавзолея, битва мутантов с лидером ЛДПР и экзамены в Академии ФСБ. Также использованы фрагменты фильмов: «Жил был пес», «Ежик в тумане», «Матрица», «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Приключение принца Флоризеля», «Двенадцать мгновений весны». А также фрагменты множества советских песен и следующих текстов: «Экклезиаст», «Книга Иова», «Маленькие трагедии», «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», «Обломов», «Трест, который лопнул», «Москва-Петушки», «Мастер и Маргарита», «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Собачье сердце», статьи М. Б. Ходорковского, «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским», телевизионное поздравление Л. И. Брежнева с новым 1971 годом, речь В. И. Ленина на финляндском вокзале 1917 года, лекции П. Д. Волковой, стихи Есенина.



И. РОМАНОВСКАЯ

Том первый. Энциклопедия русской идеи

Сказка 1

В одной небольшой деревне, где стояло всего три дома, жил-поживал небогатый ямщик, и была у него сварливая жена. Что бы ямщик ни делал, а все ее не устраивало. Старался угодить, а в ответ ругань. В плохом настроении могла и побить. Пошлет, скажем, его за дровами. Соберется ямщик, поедет в лес, нарубит поленьев, привезет домой. А жена его последними словами обкладывает: «Скотина ты и дурак. Дров-то нам совсем не нужно. Лучше бы воды принес». Соберется ямщик за водой, пойдет к колодцу, наберет ведра, принесет домой. А жена ему: «Глаза бы мои на тебя не глядели!». Плохо жилось ямщику. Совсем ему свет стал не мил, помышлял с жизнью расстаться. И пошел в лес отдать себя на съедение волкам. Идет по лесу, а навстречу дед.

– Куда путь держишь, мил человек? – спрашивает ямщика.

– Совсем меня жена со свету сжила. Нет мочи терпеть. Хочу счеты с жизнью свести или еще чего страшного учудить. Лучше мне в земле лежать, чем терпеть ее безобразия и феминизм, – ответил ямщик и заплакал горячими слезами.

– Дело стоящее. Только, мил человек, если уж помирать, то по старому обычаю, с музыкой. Послушай старика. Я тебе расскажу. Есть в Евразии древний обряд, когда ямщик не просто замерзает, но еще и любовь жены с собой уносит. В итоге жена на земле в одиночестве страдает, на одних сникерсах перебивается и нервно курит, а ямщик на *том* свете весь обласкан с головы до ног и сияет. Завтра хорошенько выпись, а как проснешься, возьми своего друга и езжайте, чтобы путь далек лежал. Там, в степи глухой, и замерзай. Главное, не забудь товарищу сказать, чтобы не помнил зла. И попроси его передать жене кольцо обручальное. Понял?

– Чего ж тут не понять. Спасибо тебе, дед. Век твоей доброты не забуду, – ответил ямщик и вернулся из леса домой.

Наутро проснулся. Взял товарища и поехал в степь. Когда путь уже далек лежал и снег был кругом, остановил сани, лег, начал замерзать и произнес свои последние слова:

– Товарищ мой, не попомни зла, здесь, в степи глухой, схорони меня, а жене скажи, что я в степи замерз и любовь ее я с собой унес, – протянул другу обручальное кольцо. Но неожиданно товарищ, не взяв кольца, рванул в степь, а ямщик ощутил на своем плече чью-то широкую и уверенную руку. Обернулся – рядом стоит Владимир Владимирович и укоризненно говорит:

– Что задумал? Черная магия? Нам в России нужны здоровые семьи и рождаемость. Слышал про традиционные ценности? Если жена обижает, ты мне напиши, я помогу, разберусь, а сейчас ноги в руки и домой. Стань наконец мужчиной, и Родина тебя не забудет!

Ямщик устыдился, попросил у Президента прощения, сел в сани и поехал налаживать семейные отношения. Потому что если Президент сказал, то надо делать. Вопросы тут лишние. Дед же тот так и ходит по лесам и другим пригорюнившимся ямщикам продолжает бесплатные советы давать. Некоторые и рады бы его замочить, но нельзя. Так уж в Евразии испокон веков повелось. Таков древний порядок.

Сказка 2

Если светится в Кремле окно Главы Государства, если горит на его столе по вечерам зеленая лампа, значит, все будет хорошо. Он работает и помнит о каждом из нас, даже о последнем, прости Господи, оппозиционере. Вот почему в лихие для Отечества времена в темное время суток можно попасть в пробку на Кремлевской набережной. В поисках поддержки и обретения душевного спокойствия люди съезжаются на огонек президентского кабинета. Хотя когда они были, лихие времена? Уже не упомнишь. Разве что на матче «Россия – Уэльс».

В один из таких вечеров Владимир Владимирович готовился к важному мероприятию. Правление государей в России исторически укладывалось в русло, заданное во времена Рюриков, бережно хранимое Годуновыми и Романовыми и узурпированное впоследствии вождями Советского Союза, впрочем, как на поверку выяснилось, тоже практически монархистами. Консервативно, немного архаично, но в целом надежно. В соответствии с древней парадигмой мудрый отечественный правитель за отведенный ему срок должен выполнить три сакральных пункта:

- 1) расширить страну;
- 2) начать духовное возрождение;
- 3) отвезти подарки детям.

Казалось бы, чего проще? Но получалось не у всех. Взять хотя бы Хрущева, Шуйского и Лжедмитрия. Разве не сгинули они в выгребной яме российских анналов, так и не постигнув азов государственного уклада? Владимир Владимирович, долгих лет ему жизни, как крепкий консерватор, ярчайший герой современности и пример для подрастающего поколения, выполнял все сакральные пункты ежегодно, чтобы уж наверняка. Вот и сейчас он готовился осчастливить детей Северного Полюса и решал, как ему лучше добраться в Заполярье. Перебрал все возможные варианты. Вертолет, собачьи упряжки, снегоход... Больше всего ему нравился вариант вплавь, в сухом гидрокостюме. Однако пришлось бы пускаться впереди себя ледокол, а это излишество и жупел для западной прессы, и без того использующей любой повод поглумиться. Президента мало волновали заграничные борзописцы, в России и своих бумагомарателей хватало, но омрачать детям праздник не хотелось. К таким вещам он относился с особым пиететом. «Завтра проснусь, решу на свежую голову», – подумал президент и пригласил ожидавшего в приемной лидера ЛДПР.

– Уезжаю на три дня. Будет у вас тут «Россия без Президента», как либералы мечтали, – сказал Российский Лидер Владимиру Вольфовичу. – Остаешься дежурным по стране. Вот тебе ядерный чемоданчик.

– Никого другого не нашли? Я же эмоционально неустойчив, – ответил Владимир Вольфович и решительно подвинул чемоданчик обратно к Президенту.

Еще добрых двадцать минут несчастный кейс переходил из рук в руки. Никто из собеседников не сомневался, что Президент убедит лидера либерал-демократов. Однако восточный протокол требовал торговаться, и чиновники наслаждались этим от чистого сердца. Владимир Владимирович говорил, что у всех в Правительстве дел по горло. Владимир Вольфович жаловался, что тоже занят и готовится к митингу. Президент успокаивал, мол, ничего страшного, чемоданчик бронированный, можно, выступая, встать прямо на него, и выше будет, и митингующие не сопрут. Лидер ЛДПР напирал, что внушка в школу идет, нужно на линейку успеть. Глава Государства отвечал, что учебный год, если понадобится, передвинем. В конце концов липовые спорщики обнялись и разошлись. Владимир Вольфович, помахивая чемоданчиком, отправился к выходу в город, а Владимир Владимирович по подземным коммуникациям добрался до служебного входа в Мавзолей.

Ленин сидел на стеклянном гробу и играл в шахматы со старым кремлевским сантехником Петровичем. Вождь мирового пролетариата, как опытный гроссмейстер, съедал по одной вражеской фигуре за ход. Сантехник же бестолково двигал фигуры и при этом каждый раз вставлял реплику: «Туды его в качель» или «А мы вас, батенька, конем», или даже «Едрены пассатижи».

– Так вот ты где, Петрович, – с укором произнес Президент, явно намекая на какие-то грехи кремлевского работника.

– Владимир Владимирович, завтра все сделаю, – оправдывался сантехник. – Вы не думайте, я помню: кран в душе и сливной бачок.

– Шах и мат, – сказал Петровичу Ленин, и добавил, глядя на Российского Лидера: – Володь, ты не обессуди, завтра он у меня трубу латать будет. Три месяца уже течет.

Порывшись в гробу, Ильич нашел бутылку «Белуги» и отдал сантехнику со словами: «Иди, Петрович, нам с Володей поговорить нужно». Не заставляя себя ждать, работник сунул взятку в карман и удалился.

– Уезжаю на три дня, – сказал Президент, когда остался с Лениным наедине. – На хозяйстве Вольфович за главного, но он парень эмоциональный. Приглядел бы ты за ним.

– Все будет тип-топ, – сказал Ленин. – Только сделай одолжение. Задолбали меня эти кадеты: бегают сюда с Котельников, в вентиляцию какую-то гадость суют, то елочку с ароматом клубники, то конфетти. Аллергия у меня на эту дрянь.

– Заметано, – ответил Российский Лидер. Пожал руку вождю и снова спустился в подземные коммуникации. Под Кремлем был хаб Hyperloop. Он сел в капсулу и через полчаса вышел в Норильске в подвале Горсовета. Еще через пятнадцать минут он лег спать. Завтра предстоял сложный день.

Тем временем лидер ЛДПР в прекрасном настроении вприпрыжку бежал по Тверской. Он улыбался во весь рот и задорно размахивал ядерным чемоданчиком. Впервые его оставляли за Главного. «Целых три дня!» – смаковал в мыслях Владимир Вольфович. «Напьюсь», – решил он и повернул на Кузнецкий Мост в сторону пивбара «Камчатка».

Заведение было заполнено членами ЛДПР до отказа. Оркестр играл попеременно «Катюшу» и «Гром победы, раздавайся!», – так сорили деньгами астраханцы из регионального отделения. Вольфович довольно быстро захмелел и почувствовал неконтролируемый позыв к публичному выступлению. Он встал на стол. Во взгляде у него было что-то возвышенное и смертоносное. Снаружи он был вполне благопристойен и умудрялся сохранять равновесие, но внутри он был весь начинен сюрпризами и экспромтами.

– Товарищи, – сказал он, – знаете, что я такое? Я живой вулканический кратер. Я огнедышащий кратер. Из меня так и пышет пламя, а внутри клокают слова и комбинации слов, которые требуют выхода. Миллионы синонимов и частей речи так и прут из меня на простор, и я не успокоюсь, пока не произнесу какую-нибудь речь!

Когда Вольфович пил, его всегда влекло к ораторскому искусству. С самого раннего детства алкоголь возбуждал в нем позывы к декламации.

– Мне нужна публика, – сказал он. – Я должен утихомирить свой ораторский зуд, иначе он пойдет внутрь, и я буду чувствовать себя ходячим собранием сочинений Льва Николаевича Толстого в роскошном переплете. Могу говорить о русской иммиграции, или о поэзии Маршака, или о водосточных трубах, и будьте уверены: мои слушатели будут попеременно то плакать, то хныкать, то рыдать, то обливаться слезами.

Он слез со стола и вышел на улицу, остановил каких-то прохожих и вступил с ними в разговор. Не прошло и десяти минут, как вокруг него возникла кучка людей, а вскоре он уже стоял на парапете и махал руками, а перед ним уже собралась порядочная толпа. Потом он повернулся и пошел, а толпа за ним, а он все говорил. И он повел их в сторону Бульварного кольца, и по дороге к ним приставали еще и еще прохожие. Это напоминало старый фокус,

как один дудочник все играл на дудке и до того доигрался, что увел с собой всех детей, какие только были в городе.

За много лет пребывания в гробу Владимир Ильич научился слушать город, чувствовать его нерв. И сейчас понимал, что в столице беспокойно и что-то нехорошее может случиться. Придется сходить проверить, – решил Ленин, надел неприметный плащ, большие черные очки и вышел через боковую дверь Мавзолея. Его опасения полностью оправдались. Несмотря на вечер пятницы, на улицах города не оказалось прохожих. В кафе и ресторанах не было ни клиентов, ни персонала. Везде стояли брошенные автомобили с открытыми дверями. Ветер гонял по асфальту пластиковые стаканы и упаковку из-под картошки-фри. Где-то далеко натужно выла сирена. Ильич внутренним зрением окинул город, почувствовал сильные вибрации где-то в районе Чистых прудов и направился туда по Мясницкой. Чем ближе подходил он к бульвару, тем отчетливей становился слышен странный лающий звук, напоминающий немецкую речь.

За километр от пруда Ленин заметил людей. Они стояли везде – на тротуаре, на дороге, на крышах автомобилей – и заворожено слушали. Ильичу пришлось продираться сквозь толпу. Горожане были в глубоком трансе и совершенно не сопротивлялись, когда он протискивался между ними. В эпицентре митинга на деревянной трибуне, приготовленной властями ко Дню города, стоял Владимир Вольфович. Он говорил уже четвертый час. К этому времени его связки уже были не способны к членораздельной речи, но он довольно энергично выкрикивал отдельные слоги, что и придавало голосу лидера ЛДПР сходство с голосом организатора «Пивного путча» в Баварии. Всеобщий транс был максимально глубок. Заворожить публику Вольфович умел. Вдруг Ильич заметил, как со дна пруда на поверхность стало подниматься нечто жуткое. Заметив надвигающуюся черную массу, Ленин похолодел.

...75 лет назад темной майской ночью бесшумно, на бреющем полете к центру Москвы подлетел мессершмитт и сбросил двух парашютистов. Пользуясь маскировочными куполами, они незаметно приземлились в сквере у Чистопрудного бульвара. Это были Лили Шнайдер и Ганс Гутенберг – диверсанты, подготовленные Гестапо для ведения подрывной деятельности в тылу врага. В секретных лабораториях Вермахта была разработана сыворотка, мизерная доля которой лишала людей человеческого облика и превращала их в отвратительных существ с осьминожьими щупальцами. Подчинялись мутанты только одному человеку на земле – фюреру. Лили и Ганс готовились сломить сопротивление Москвы с помощью этой адской жижи. Возле Чистых прудов находился коллектор, снабжающий водой весь центр столицы, включая здание Генштаба и Кремль. Скинув парашюты, Лили и Ганс пошли мимо пруда, и здесь их ждал неприятный сюрприз. Все произошло так быстро, что они не успели опомниться. Со скамейки поднялась широкоплечая небритая фигура в кепке, ввалила им два мощных удара и села обратно на скамейку со словами: «Пидор*сы, бл*дь! Ненавижу». Так бывает у нас в центре. Фашисты рухнули в воду. Их пробирки, спрятанные в карманах, разбились. Концентрация сыворотки в организмах диверсантов оказалась настолько сильной, что Лили и Ганс мгновенно превратились в мутантов и на сушу уже не вылезали. Несколько десятилетий они только и делали, что прятались и размножались, прятались и размножались. В общем, жили неплохо. За 75 лет их колония возросла до нескольких тысяч экземпляров. Они вырыли глубокие норы на дне пруда, и единственный голос, который мог их выманить наружу, принадлежал фюреру. Когда крик Вольфовича стал неотличим от озвучки хроники Третьего Рейха, мутанты показали на поверхности...

Ильич похолодел. Он единственный из всей толпы видел чудовищ, в огромном количестве появляющихся из пруда. А люди под воздействием харизмы лидера ЛДПР пребывали в полном блаженстве. Ленин в отчаянии набрал полные легкие, чтобы заорать, но понял, что создаст панику и многие будут растоптаны. Вождь принял решение оттянуть людей на себя и увести их от опасности. Он знал, как это делается.

Он встал на мусорный бак, снял кепку, зажал ее в ладони и, протянув руку вперед, начал:
– Матросы! Товарищи! Приветствуя вас, я еще не знаю, верите ли вы всем посулам Временного правительства, но я твердо знаю, что, когда вам говорят сладкие речи, когда вам многое обещают, вас обманывают, как обманывают и весь русский народ. Народу нужен мир, народу нужен хлеб, народу нужна земля. А вам дают войну, голод, бесхлебье, на земле оставляют помещика... Нам нужно бороться за социальную революцию, бороться до конца, до полной победы пролетариата!

Ильич старался изо всех сил. Он вспомнил свою пламенную речь на броневике у Финляндского вокзала, выступление перед рабочими Путиловского завода и вдохновенное слово для служащих Наркомпроса. Публика начала переходить на его сторону. Ленин почувствовал успех и продолжил.

– Грабительская империалистическая война есть начало войны гражданской во всей Европе. Недалек тот час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта народы обратят оружие против своих эксплуататоров-капиталистов. Заря всемирной революции уже занялась. В Германии все кипит. Не нынче – завтра, каждый день – может разразиться крах высшего европейского империализма. Да здравствует всемирная социалистическая революция!

Люди медленно, но верно сгруппировались вокруг Ильича. Мутанты остались слушать Вольфовича. Голос главного либерал-демократа к тому времени осип практически окончательно, но внутренняя сила, бередившая его, не ослабевала, и он решил, как Форест Гамп, пустить свой кураж в тело, в мышцы. Спрыгнув со сцены, он широкими шагами двинулся по Бульварному кольцу в сторону Пушкинской. Мутанты, перебирая щупальцами по деревьям, оградкам и фасадам зданий, последовали за ним.

Воспользовавшись моментом, Ильич закончил митинг словами: «Теперь, товарищи, все идем спать. Так мы поможем партии и делу социализма!». К радости Ленина люди стали покорно расходиться. Зрачки их все еще были неподвижны и расширены. А Вольфович тем временем бодро двигался по бульварам. По ходу маршрута он поприветствовал все стоящие на пути памятники. Обнял постамент Шухова на Сretenском, дежурно кивнул Ульяновой, затем пожал руку Высоцкому. Добравшись до Пушкина, остановился, просунул руку между пуговиц пиджака и попытался продекларировать: «Няня, няня, где же кружка?», но не смог. Возле Гоголя просипел «Не так ли и ты, Русь, что быстрая тройка несешься?». Кропоткину просто махнул рукой.

Добравшись до набережной Москва-реки, Вольфович перекрестился на купол Христа Спасителя, заставив следовавших в кильватере мутантов прибиться к земле. Затем миновал Кремль и Кадетское училище и вновь вернулся на бульвары. Пыл лидера ЛДПР убывал. Усталый, он прошаркал Покровские Ворота и опять вступил на Чистопрудный, откуда и начал свою прогулку. Присев у воды, он поманил лебедей. Птицы охотно подставили свои шеи. Вольфович гладил их. Алкоголь, кураж и одержимость сбросили оковы. Политик начал приходить в себя. «Что наша жизнь? – думалось ему. – Краткий миг?»

Размышления прервал один из мутантов, что в холопском порыве попытался лизнуть сапог хозяина. Либерал-демократ среагировал молниеносно. Схватив одного из лебедей за шею и взметнув его над головой, он со всей силы обрушил его на «фашиста». Удар был страшный. Ошметки осьминога разлетелись по веткам деревьев. Владимир Вольфович наконец узрел реальность. Он увидел бульвар, заполненный напозающими друг на друга телами с отвратительными щупальцами. «Что скажет Президент?!» – резанула его убийственная мысль. Опасность подвести Первое Лицо придала Вольфовичу невероятную энергию и отвагу. Схватив второго лебедя он, как зерноуборочный комбайн, стал косить врагов направо и налево. Через пятнадцать минут земля вокруг напоминала забойный цех на Микояновском мясокомбинате. Почерневший от осьминожьей слизи, с полными отчаяния глазами, Вольфович завершил бой и обессиливший рухнул в траву. Сознание покинуло его.

Утром фотографии с лидером ЛДПР, лежащим на горе поверженных осьминогов и сжимающим в руках двух лебедей, раскупались западными агентствами по десять тысяч долларов за снимок. Защитники природы в прямом эфире CNN окрестили произошедшее «бойней у Абая». Откуда им было знать, что лебеди были искусственные и служили ширмой для ФСБ, прослушивающей хипстеров-политиканов, бухающих вечерами у пруда.

К счастью, вся эта возня не дошла до Президента, который никогда не читал газет, и тем более западных. Он в это время управлял собачьей упряжкой и спешил с мешком подарков к детям Северного Полюса. Уже остались позади и Норильск, и Земля Франца Иосифа, и архипелаг Шпицберген. Собаки, почуяв близость военного городка, рванули быстрее, и вскоре Российский Лидер вошел в школьный зал, увешанный гирляндами. Раздал подарки и хотел было уже всех кататься, как один ребенок спросил: «А зачем мы Аляску продали?» Пришлось начать разъяснительную работу.

– Что вы делаете каждую секунду? – спросил Глава Государства. – А? Дышите! Вот ваши легкие наполняются воздухом и становятся большими-большими. А вот выдох, и они уменьшаются. Так? Вот и с Россией то же самое. Она дышит. Вдохнули мы Болгарию и Киев, потом выдохнули. Вдохнули Калифорнию с Аляской и выдохнули. Была Польша и Финляндия, а после, фьють, и нет их. Была Восточная Германия... ну, и далее по списку. Поняли? Нельзя ничего у России отнять и продать. Она сама у кого хочешь отнимет и продаст. Но контролировать этот процесс невозможно. Потому что дыхание процесс безличный. – Он еще долго объяснял суть евразийства детям, и когда закончил, пора было обедать.

В Москве в это время шла генеральная уборка. Сотня членов ЛДПР и КПРФ весь день мыли деревья и красили ограду Чистопрудного. Ильич тоже помогал – таскал бревно. Вольфович в расстроенных чувствах сидел на бульварной скамейке, обессиленный вчерашними подвигами, и не способен был ни к чему. «Как ты мог? В первую же ночь!» – «Не спрашивай...» – обреченно вел он внутренний диалог. «Сейчас пойду домой, запрюсь и выйду только послезавтра, когда Президента встречать поедем», – твердо решил он. К вечеру бульвар блестел как новый. Вольфович, как и обещал, заперся в своей квартире и никуда не выходил два дня.

Глава Государства не любил Hyperloop: от вакуумных технологий у него болела голова и суставы, поэтому, когда позволяло время, предпочитал пользоваться традиционными видами перемещения. Обрато в Москву он прилетел на среднемагистральном МС-21. Ленин и Владимир Вольфович встречали его у трапа. Президент пожал товарищам руки.

– А где ядерный чемоданчик? – удивленно спросил он.

По той скорости, с которой у Вольфовича начали вылезать глаза из орбит, Владимир Владимирович все понял. Лидер ЛДПР рванул через взлетную полосу к забору, ограждавшему аэропорт. Пробив ворота телом, он поскакал напрямик через леса, поселки и водные преграды. Он перепрыгивал девятиэтажные дома, мосты и автострады. Он обгонял последние модели Bugatti Veyron и Maserati GT. Он спешил в бар «Камчатка», где под столом у окна возле батареи должен был стоять смертоносный президентский гаджет. Существование самой Земли теперь зависело от него. И Вольфович полетел. Он не успел сообразить, как это случилось, но он взмыл в облака. Рассекая воздух, под громкий стук собственного сердца он с надеждой высматривал на горизонте очертания Кузнецкого Моста. Так закончился третий день России без Президента.

Сказка 3

В далеком евразийском поселении, почуяв близкий конец, старый дед позвал к себе сыновей. Старшему сыну отдал коня, среднему овцу, а младшему, Ивану, билет в Москву на Прямую линию с Президентом. Старший сын вскочил на коня и умчался в степь. Больше всего на свете он любил быструю езду. Средний пошел стричь овцу и делать из шерсти свитера, потому что к бизнесу страсть имел. Младший сел в поезд и поехал в Москву, на стадион Лужники, на встречу с Главой Государства, и оказалось, что в поезде том все пассажиры едут туда же.

– Дозвониться с Востока вообще нельзя. Даже по интернету невозможно, – жаловался попутчик, представившийся Шниперсоном. – Черные губернаторы все провода отрезали. Понимают гады, если Президент узнает, им конец. Ну ничего, я все расскажу. Я доберусь. Яму перед подъездом уже год заделать не могут!

– У нас губернатор белый, но Шнурова в город не пускает, – поддержал разговор пассажир из Литовской ССР по фамилии Жальгирис. – Пусть Владимир Владимирович прикажет. Я и в мэрию писал, и в Правительство. Ни хрена.

– А мой муж детей не хочет, – вступила дама в зеленой шляпке. – Сказал, если Президент по миллиону за каждого не субсидирует, пальцем не пошевелит.

Попутчики глянули на Ивана с молчаливым вопросом: а у тебя что?

– Хочу реабилитировать Ивана Грозного и Бориса Годунова. Не убивали они никого. Царевич Дмитрий и Иван Иванович сами умерли, – промолвил Иван стесняясь.

– Хорошее дело, – одобрил Жальгирис и достал шпроты.

Поезд мчался по льдам Байкала, через Кавказский хребет и Перекопский перешеек. Постепенно пассажиров купе сморило, и они уснули на своих полках. И увидел во сне Шниперсон, что спят курганы темные, солнцем опаленные, и туманы белые ходят чередой, и приснилось Шниперсону, как через рощи шумные и поля зеленые вышел в степь донецкую парень молодой. И чудилось Шниперсону, что на шахте угольной паренька приметили, руку дружбы подали, повели с собой. И радовался Шниперсон, когда девушки пригожие тихой песней встретили, и в забой отравился парень молодой. Вдруг раздался зуммер, и сон Шниперсона прервало прямое включение Президента.

– Изя, здравствуй, – говорил Владимир Владимирович. – Понимаешь, очень много народу ко мне в Москву собралось, город столько не вместит, езжай домой, яму твою уже закопали.

Глава Государства отключился. Шниперсон вскочил с места и сошел на ближайшей станции.

Лежа на верхней полке, Жальгирис уносился душой на выставку Ван Гога, где он со своей девушкой красовался в самом центре экспозиции и принимал восхищение посетителей. Идиллию литовца пререзал зуммер прямого включения.

– Римас, здравствуй. Время мало, я сразу к делу. Слышал когда-нибудь, чтобы я матерился? Дуй домой. Москва не резиновая. «Ленинград» свой «В Контакте» слушаешь.

Жальгирис оделся, забрал со стола открытые шпроты, завернув их в целлофан, и вышел на заснеженном полустанке.

Иван, побеспокоенный шумом покидавших поезд попутчиков, лежал в полудреме. Зуммер прямого включения пробудил его окончательно.

– Вопрос твой, Иван, мне понравился, – благосклонно приветствовал его Президент. – Непростую проблему ты поднял. Мы над ней давно бьемся. Но Пушкина я лично переписать не могу, а уж Репина тем более. Нет у меня пока вариантов. И время сейчас не подходящее. Возвращайся на свою малую родину.

Сеанс связи закончился. На улице светало. Состав стоял на Тихорецкой. Покидая вагон, Иван заметил, что в поезде остались одни женщины. «Выходит, Владимир Владимирович только женщин на Прямую линию пустил?» – задумался Иван. Его любопытство оказалось так велико, что он запрыгнул обратно и затаился в вагоне-ресторане.

В столице, следуя за толпой женщин, Иван прошел в Лужники и сел на самом последнем ряду, чтобы не привлекать внимание. Взоры присутствующих были прикованы к Президенту. Прямая линия началась.

– Каким он был, таким он и остался, Владимир Владимирович! – заохала женщина, представившись Валентиной Степановной. – Орел степной, казак лихой... Зачем опять, опять он повстречался, зачем нарушил мой покой? – дама достала платок и вытерла слезы. – Его печаль, его обиды, его тревоги – ни к чему: моя душа ему открыта, ему открыта одному. Но он взглянуть не догадался, умчался вдаль казак лихой. Каким он был, таким остался, но он и дорог мне такой.

– Валентина Степановна, спасибо, что обратили внимание на этот чувствительный вопрос, сегодня же вынесу это на обсуждение в Правительство и профильных ведомствах, – ответил Российский Лидер.

Следующий вопрос прозвучал от женщины, назвавшейся Варварой.

– Владимир Владимирович, живу я на Волге широкой, где на стрелке далекой гудками кого-то зовет пароход. Пришел ко мне на днях бойфренд и понес околесицу. Мол, вчера говорила – навек полюбила, а нынче не вышла в назначенный срок. А утром у входа родного завода влюбленный парнишка мне встретился вновь. Я, дура, взяла и сказала, что немало я книжек читала, но нет еще книжки про нашу любовь.

– Варвара, дорогая, – ласково сказал президент, – это очень важно для всех нас, и не только для присутствующих здесь в студии. Если нужно, подключим силовые ведомства. Буду держать на личном контроле.

– Владимир Владимирович, – взволнованно вступила очередная участница Прямой линии, Лидия Михайловна, – мой сын программист, и он обнаружил, что каждый день солнце встает на востоке и заходит на западе. Причем оно делает это само.

– Простите, Лидия Михайловна, могу я уточнить? Ваш сын уверен, что солнце без посторонней помощи каждый день поднимается на востоке и само же заходит на западе?

– Совершенно верно, Владимир Владимирович.

– Умоляю вас, Лидия Михайловна, передайте сыну, чтобы он ничего там не трогал!

С каждым следующим вопросом в самую глубь Ивана проникала важность происходящего. Он понимал, почему Президент отдал предпочтение женской аудитории. Какими мелочными и пустыми показались ему мужские вопросы, какими ненужными. «Мы, мужчины, – думал Иван, – всегда в делах. А кто поговорит со слабым полом? Кто вникнет и выслушает?»

Ивану захотелось стряхнуть с себя груз многолетней тщеты, разорвать порочный круг проклятых внутренних вопросов. Он выбрался на улицу, миновал Метромост и оказался на набережной Нескучного сада. Вдоль реки прошел до Парка Горького и до утра катался там на велосипеде, танцевал танго, ел мороженое, загорал и играл в теннис.

В родную деревню возвращаться уже не хотелось. Решил было остаться в столице, устроиться на работу в органы безопасности, но потом подумал: «Кто же будет поднимать сельское хозяйство?» И вернулся в глубинку. Стал фермером, снабжал молоком все сырные заводы в округе. А потом и сам сделал такой сыр, что взял медаль на выставке в Париже. «Это было нетрудно, – признался он в интервью „Лайф ньюс“, – не уследил, как в лесу с телеги упало несколько голов, а через пару месяцев еду той же дорогой, глядь, уже камамбер!» И вроде как, говорят, еще и блоху подковал.

Сказка 4

Однажды Владимир Владимирович пришел на работу раньше обычного, когда Баба Зина еще убиралась.

– Ни свет, ни заря, касатик? – уборщица знала Президента с пеленок и потому не церемонилась. – Мне пол в кабинете помыть надо. Не спится?

– Сплю нормально, да навалилось тут всякое.

– Случилось чего?

Баба Зина взяла тряпку, опустила в ведро с водой, выжала и намотала на швабру.

– Что стряслось-то, Володь?

– Вчера в Фейсбуке почитал хипстеров. Выросло поколение, Баба Зин, иждивенцев. Только на печке сидеть умеют. Хотят, чтобы золотая рыбка им айфоны подносила.

В кабинет заглянул личный помощник Российского Лидера Саша.

– Доброе утро, товарищ Президент.

– Здравствуй, Саш. Скажи честно, тебя продирает, когда на подводную лодку «Мономах» с шестнадцатью ядерными ракетами на борту смотришь?

– Я больше автомобили люблю, Владимир Владимирович, – ответил помощник, – мне BMW нравится.

– Ну вот, Баба Зин, слышишь? Целый полуостров им подарил. Нет, хотят на Лазурный берег плесень жрать. Чем, Баба Зин, скажи, чем Марлен Дитрих лучше Любовь Орловой?

– Ничем, Володь. Прав ты. Плюнь на них. Никакого здоровья не хватит, – участливо отозвалась уборщица, заканчивая мыть под столом.

– А если глубже копнуть, на чем атлантическая цивилизация держится? Что у них за мифы? Баба Зин, знаешь, чем Ланселот знаменит? Трахал жену своего короля.

– Господи, Володь, что ж ты говоришь-то, – перекрестилась Баба Зина, – типун тебе на язык.

– А Роланд со своим Дюрандалем, тоже мне, павлин. Угробил всех своих солдат. У нас за такое десять лет в штрафбате дают. А Зигфрид? Отодрать жену друга, да потом еще и похвастать этим перед своей супругой! В страшном сне представить себе не могу, чтобы какой-нибудь из наших сказочных героев, например Колобок, подобное отмочил.

– Тьфу, Володь, прекрати ради Бога, – уборщица домыла пол и присела на стул.

Президент нервно заходил от окна к двери.

– Ничего, отмолю потом. Выговориться надо.

В кабинет снова заглянул помощник, и Президент усадил его рядом с Бабой Зиной.

– Плюет молодежь на традиционные ценности. Семья, религия, государство – пустой звук. На Запад хотят, пусть даже носильщиками и посудомойками, но туда, в Лос-Анджелес. Вот скажи, Саш, – снова обратился Глава Государства к терпеливо слушающему помощнику, – кто такой Фауст?

– Доктор немецкий, алхимик.

– Так они мозги нам и промывают. Побойся Бога, Саша. Фауст – пособник Дьявола. Сотрудничал с Бесом. По договору. Но им в Евросоюзе без разницы, главное, чтобы был лояльным членом. Я бы эту тварь фашистскую...

– Владимир Владимирович, можно я пойду, мне корреспонденцию утреннюю проверить надо, там фельдъегерь в приемной ждет, – вырвалось у помощника, испугавшегося Президентского потока.

– Мне тоже пора, – привстала Баба Зина.

– Ждите, – твердо сказал Российский Лидер. – А Дон Кихот кто?

– Добрый чудаки? – неуверенно выдавил помощник.

Баба Зина развела руками, мол, ну да, а кто же еще.

– Чудак, его мать?!

– Володя, окстись, грех это, – перебила Баба Зина.

– Моральный урод-демократизатор. Ему вместо копья в руку «Першинг» вложить и эмблему НАТО на рукав – ничего не изменится: «Я несу вам добро, а вы, придурки, сопротивляетесь». Госпожа Хиллари – вот вам наследник Дон Кихота. Не дай бог, займет эта мымра Овальный кабинет. Хотя черт с ней. Хрен редьки не слаще. Противно, что тинейджеры в этом ни в зуб ногой. Пока носом их в эту гнилую свору Гамлетов, Дон Жуанов и Монте-Кристо не ткнешь, так и сидят перед монитором, зомборолики поглощают.

– Владимир Владимирович, про Монте-Кристо вы загнули. Они максимум, что из классики помнят, – Терминатора, – сказал Саша.

– А должны бы Штирлица, Жеглова и Онегина, – уточнил Президент.

– Штирлиц – зануда, – оживилась Баба Зина. – Жену свою раз в пять лет взглядом ода-ривал в кафе. Это разве мужчина? Онегин тоже. Умел только письма писать. Нет у нас мужиков в литературе.

– А я Раскольниковую люблю, – вставил помощник. – Взял и исполнил свою мечту. Другие самоедством упивались, а студент раз – и готово. Я его не оправдываю, но...

– Как из него идола сотворить, Саш? Чтобы молодежь упивалась, как Гарри Поттером, – не унимался Глава Государства.

– О том и говорю, Владимир Владимирович. Штирлица в компьютерную игру не засу-нешь – засмеют, а Раскольниковую легко.

– Хм... – задумался Президент. – Раскольников... Хотелось бы, правда, Жеглова, но Глеб красиво стреляет только из окна автобуса, да и то, когда его за ноги держат.

– Игра будет яркая, насыщенная. Раскольников загоняет Терминатора в коммунальную квартиру и там в последней комнате у сортира мочит, – рекламировал помощник.

– Сочно. Мощно. Но либералы так слюной изойдут, что Неглинка из берегов выйдет. А мэр столицы по поводу потопа ворчать начнет. – Президент никогда не забывал о москвичах.

– Тогда, Владимир Владимирович, мочить он будет не Шварценеггера, а мямлей этих, неудачников – Онегиных там, Дубровских. Потом сиквелов настрогаем «Старуха возвращается», «Студент наносит ответный удар», «Топор-2» и прочее.

– Гениально, Саш. Ты ведь лейтенант? Будешь теперь майором. А тебе, Баба Зин, именную шашку в алмазах.

– Спасибо, Володь, у меня этих сабель уже девать некуда, ты лучше отпусти пораньше, я на рынок хотела успеть.

– Да-да. Все. Свободны.

Баба Зина и помощник вышли из кабинета, а Глава Государства сел за стол и включил компьютер. На экране возникла реклама Iphone 7. Он брезгливо поморщился.

– А потом Раскольников пробирается в смердящее логово, в подземную лабораторию, где делают эти адские гаджеты, и рубит там все в капусту, так что слизь из айфонов по стенам течет, – подумал Российский Лидер, и настроение его улучшилось.

Он включил третью кнопку на радиоприемнике. Передавали Первый фортепианный концерт Чайковского. «Хорошо, – подумал Владимир Владимирович после первых аккордов. – Нет, ну ей-богу, хорошо».

Над Кремлем уже начинало жарить летнее солнце, и голуби клевали крошки на Соборной площади.

Сказка 5

Однажды мужик заметил, что у него растут сиськи. Человек он был образованный и потому сразу пошел к психотерапевту. Приходит и говорит:

– Спаси, мил человек. Видишь, беда ко мне пришла! Сжалился доктор над мужиком и отвечает:

– Был у меня похожий случай с казаком Степаном Разиным. Знаешь такого? Да как не знать! На всю Россию прогремел. Так вот, пришел он как-то раз ко мне и тоже сиськи показывает. У меня аж дыхание перехватило. Под ложечкой засосало. Спина горячим потом покрылась. Хотел я было ляпнуть, типа, жрать, Стенька, меньше надо, но вовремя осекся. Голова бы моя с плеч тут же слетела бы. Подумал немного и решил время потянуть, спрашиваю: «Как сие случилось? Что тому горю предшествовало?». Стенька рассказывает: «Как-то раз выплываю я из-за острова прямо на стрежень. Только не спрашивай, что такое стрежень, сам не в курсе. Челн у меня красивый, расписной. Одно загляденье. Невеста моя, княжна персидская, рядом лежит. В общем, веселый и хмельной справляю я свадьбу. Персиянка ни жива ни мертва, молча слушает хмельные атамановы слова и т. д. Сам знаешь. Чего повторять-то. Вот тут все и случилось. Ощупал я себя, и хмель как рукой сняло. Сиськи! Пониже рукой скользнул – святые угодники! Атамановы достоинства пропали. Виду не подаю, но про себя сокрушаюсь. Зачем я с персиянкой этой связался? Горе мне, горе. Только ночь с ней провождался, сам на утро бабой стал. Помогите, господин лекарь!».

– Я же, – продолжал психотерапевт, – за то время, пока казачий рассказ сей интереснейший слушал, придумал, как шкуру свою спасти, и напомнил Разину древний евразийский обряд жертвоприношения ящеру морскому, владыке подводного мира. Издревле ему в жертву красивых девушек приносили.

Здесь мужик психотерапевта перебил:

– Вряд ли персиянка у Стеньки в девках ходила.

Доктор парировал:

– Какая разница! Только Разин ушел, я сразу письмо в третье отделение отправил, мол, ловите разбойника там-то и тогда-то.

Мужик растерялся:

– Хорошая история, а мне что посоветуете, господин доктор? Мне-то как быть?

– А тебе, мудила, меньше жрать надо! – ответил психотерапевт, забрал у него полторы тысячи рублей за сеанс и вытолкнул за двери. Оказался мужик на улице, бредет в сторону дома грустный, с печалью на сердце и вдруг видит на рекламном щите портрет Владимира Владимировича. Президент подмигнул ему с плаката и говорит:

– Правительство делает все, чтобы нация была спортивной. Портреты мои с голым торсом в интернете распространяет. В Парке Горького велодорожку сделали. Даже нормы ГТО возродили. Ты, главное, не унывай. Встал утром, пробежался, потом под холодный душ, а на Крещение в купель ныряй. На Бульварном кольце бесплатные велосипеды есть...

Глава Государства все говорил и говорил, а мужик больше не слушал и повесив голову шел дальше. Не вдохновил Владимир Владимирович мужика, потому что мужик тот был либералом. Пощупал мужик свои сиськи и повернул к посольству Евросоюза – визу получать. За границей, он слышал, такие люди в цене.

Сказка 6

В ресторане с прекрасным видом на Кремль под названием «Доктор Живаго» сидели Алексей Завальный и Дмитрий Дыков. Оппозиционер Алексей был одет в строгую серую рубашку с белой лентой на груди. Его собеседник имел на себе демократичный жилет с большим количеством карманов и смотрел на коллегу выпученными от природы глазами. Разговор между ними шел о политике.

– Точно тебе говорю, Дим, я сам видел. Ночью они вышли из Троицких, Спасских и Боровицких ворот. Несколько сотен тысяч. Огромная толпа. Все спали, а я следил. Потом они разъехались по стране. В Сибирь, на Урал, в Калининградскую область – по всем регионам разошлись. Смешались с людьми, поселились в обычных квартирах, на работу устроились. Теперь от простых граждан их не отличишь. Один такой путиноид зомбирует сотни, тысячи людей. Думаешь, откуда эта цифра – 85 процентов поддержки? Когда их только по телеку показывали, можно было крикнуть, что ящик врет, а теперь они повсюду, не удивлюсь, если за соседним столом.

Алексей провел взглядом по ресторану. Рядом сидел мужчина, чье лицо было закрыто газетой «Коммерсант» с портретом Березовского на первой полосе. Оппозиционер не обратил на него внимания и продолжил:

– Гребаный режим. Все у нас отняли. Даже мат. Даже секс! Что в Советском Союзе, что в России ни самого секса, ни даже слова такого не было и нет, – Завальный закончил тираду, наколот вилкой кусок сырника, обмакнул его в сметану и положил в рот. В такие моменты обычный евразиец радуется, потому что сырник вкусный, но Алексей выражал на лице усталость и отвращение.

– Слово «секс» у нас есть, – лениво отвечал ему Дыков, запрокинув голову тем особым образом, который присущ людям с жирным вторым подбородком. – Только оно скрыто. Они ведь все от народа прячут.

– В смысле? – удивился Завальный.

– Удовольствие, – сказал литератор. – Вот где закопан секс. Уд ведь это член.

– Мужской член – это срамной уд, – послышался голос человека, прикрывавшегося газетой. – Не надо путать. Слово «удовольствие» говорит обо всех «уделах» тела, а не об одном хере, как вы думаете.

Дыков хотел было спросить незнакомца, кто он? Но из-за спины литератора раздался голос другого посетителя:

– Зачем искать черную кошку там, где ее никогда не было? Спрятали секс? Я вас умоляю, столь архисложные операции ради таких, как вы, не проворачивают. В слове «удовольствие» «уд» это не тайник, а перст, и указывает он, что в любом наслаждении, практикуемом русскими, всегда есть телесная страсть.

Дыков презрительно оглядел говорящего, оценил его модный прикид и открыл было рот, чтобы ответить, как подошел официант, дежуривший неподалеку.

– Я вам по опыту скажу. У европейца двадцать лет на завтрак одно и то же, а в России каждый день что-то новое. Если пицца нашего человека не возбуждает, он есть не будет, – сказал официант. Лица Завального и Дыкова после этих слов перекосило так, что они стали похожи на сгустки боли.

– Если рассматривать уд как мужской член, то мы скорее придем не к сексу, а к процессу проникновения. Удовольствие от любого действия, будь то даже повседневное общение, у россиян возникает только при достаточной глубине. Нашим людям не интересно ничего поверхностное, все эти бездуховные гаджеты, Голливуд, фондовая биржа. Вот о чем говорит слово

«удовольствие», – продолжил тип с газетой. Литератор и оппозиционер не выдержали, встали и пошли на выход.

– Я говорил, путиноиды, они повсюду, – прошипел Алексей на ухо Дмитрию.

Когда дверь за ними закрылась, посетитель в модном прикиде подошел к официанту, замершему в неестественной позе, и помахал рукой перед его застывшими глазами.

– Похоже у «Таволги» аккумулятор сел, – сказал он. Стараясь не привлекать внимание публики, случайные посетители «Доктора Живаго» – сотрудники ФСБ майор Эдуард Теркин и лейтенант Андрей Кириллов – отвели робота в подсобку в подвал гостиницы «Националь». Поставив секретное изделие на зарядку, они заварили себе по стакану чая и сели перед мониторами наблюдать за обстановкой в залах ресторана.

– Когда их только разрабатывали, я, честно говоря, в перспективы не верил, – сказал майор, с уважением глядя на официанта. – От живого невозможно отличить! Все-таки Новосибирск – это школа. Правда, аккумулятор ни к черту.

Наблюдая за однообразной картинкой на мониторах, его коллега Кириллов постепенно начал клевать носом и через десять минут заснул. Во сне он видел место беззаботное, где гуляет важно, словно граф, очень длинношеее животное под чудным названием «жираф». Разбудил его голос Теркина:

– Андрей, подъем, Альбец пришла с Зендеровичем.

Кириллов взмолился:

– Товарищ майор, меня от этих упырей выворачивает! Я даже к Мокаревичу выйду, но только не к ним.

Теркин негромко запел:

– Наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд, как будто не видна. Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет, значит, с ними нам вести незримый бой. Так назначено судьбой для нас с тобой – служба дни и ночи.

Лейтенант встал, снял официанта с зарядки, взял его под руку и отправился на службу.

Сказка 7

Российский Лидер во время прогулок шел в люди не таясь, без грима и накладных усов. Фокусы с переодеванием, практиковавшиеся Гаруном аль-Рашидом, ему, как офицеру, глубоко претили и даже отзывались извращением. Зачем скрываться? Прохожие ведь не поверят и примут за актера, подрабатывающего фотосъемкой на Красной площади. Главу Государства эта легенда вполне устраивала. Под видом обычного человека, без лишних формальностей он мог расспросить народ о жизни, о стране, узнать необходимые для работы подробности. И вот в один из мартовских вечеров, когда солнце хорошо прогрело город и кремлевские коты уже во всю драли свои глотки, Владимир Владимирович вышел через Кутафью башню в сторону Моховой. Он сделал несколько фоток с японцами, толпившимися у Александровского сада, взял с них по 500 рублей для прикрытия. Пожал руку околачивающемуся неподалеку профессиональному Ленину, дружески кивнул фальшивому Иосифу Виссарионовичу и пошел в сторону Театральной площади. Во время прогулок у Главы Государства не было определенной цели. Он следовал внутренним импульсам, природу которых никогда не анализировал. «Должна же быть в человеке какая-то загадка, – думал он, проходя мимо отеля Four Seasonse на Охотном Ряду. – Вот, например, как в этой гостинице, которую сначала снесли, а потом построили в прежнем виде». Президент улыбнулся, он вспомнил, как сначала снес Кружкова с должности мэра Москвы за утрату доверия, а потом вклеил ему орден «За заслуги перед Отечеством». «Оценил ли Юрий Михайлович этот тонкий намек?» – думал Президент.

Тем временем ноги привели его к Лубянской площади, где в 1991-м году какие-то половумные свалили памятник Феликсу Дзержинскому. Он посмотрел на бессмысленную и несправедливую пустоту в центре площади, горько вздохнул, пробормотал что-то под нос и двинулся вверх по Сретенке. Прошел мимо дома генерал-губернатора Ростопчина, в свое время намеревавшегося спасти Москву от Наполеона с помощью боевых дирижаблей. Миновал штабквартиру «Эмеш Редививус» на Малой Лубянке, где медиумы в тридцатых годах делали психомашинны для уничтожения Советской власти. Долго ли, коротко ли, а добрался он до чебуречной «Дружба» на Сухаревке. В кафе было тесновато, потому что местный народ любил наслаждаться общепитом советской школы. Отстояв очередь, Владимир Владимирович пробрался между трапезничающими и занял свободное место рядом с гражданином в коричневой кожаной куртке. Российский Лидер любил чебуреки. Однажды он даже написал небольшой труд, в котором подробно рассказал, как именно нужно поглощать это блюдо. С какой стороны кусать и под каким углом лучше держать, чтобы не обрызгаться жиром, и чем запивать. Научкой поедания чебурека он владел совершенно. Получив наслаждение и вытерев салфеткой рот, Глава Государства поздоровался с соседом по столику и поинтересовался, что слышно в стране и в мире. Тот оглядел собеседника и улыбнулся:

– Владимир Владимирович? Возле Кремля подрабатываешь? Работа, небось, не пыльная – туристов бомбить?

В такие моменты Президент предпочитал многозначительно отмалчиваться и отвечать двусмысленным взглядом. Тип в коричневой кожанке поразмышлял о брэнности мировых новостей, а потом вспомнил, что какие-то фермеры, как он слышал, под Липецком ангела откопали. Первую борозду прокладывали и случайно напоролись. Российский Лидер воспринял информацию с невозмутимым видом, сказав, мол, чего только в России не найдут. Сосед махнул водки из пластикового стакана и выдал еще несколько подробностей.

– Вроде как ангела чаем напоили и стали расспрашивать, откуда такой взялся, почему в черноземе сидит? Оказалось, он Россию оберегать был поставлен. Но работа вышла тяжелой, он и сорвался. Любой труд хоть какой-то благодарности требует, а у великороссов к небесам одни претензии. Как сверху ни прикрывай нас божественным одеялом, хоть в два слоя, все

равно рожу кривим, – философствовал сосед. – Вот и получается, что американцы своему ангелу спасибо каждый день засылают, и он пашет на них без перерыва, а наш Хранитель под землей прячется.

Он хлопнул очередную порцию водки, поморщился и продолжил:

– Я вот, что думаю. Нашему человеку неудобно Небеса за материальные блага благодарить. В самом деле, Бог же не в бухгалтерии работает. Мелочно это. Да и потом, личное обогащение для нас вещь постыдная. Разве можно доходу радоваться, пока старушка с протянутой рукой в переходе стоит? Нам всеобщее счастье подавай. Коммунизм...

Сходив к раздаче, сосед принес два пластиковых стакана с водкой и протянул один Президенту:

– Давай, будь здоров... А вообще, стыд – всеобщее счастье... Брехня это. Я тебе вот что скажу, у нас в стране многое от начальства зависит, а перед начальством выгодно приbedняться. Больше денег дадут. Вот и ноют все без перерыва.

Сказав это, сосед допил водку, попрощался и вышел из чебуречной. Глава Государства отправился в Кремль. Шел сосредоточенно, обдумывал услышанное. В приемной его уже ждал губернатор Читинской области.

– Поздно ты, Дмитрий Юрьевич, – сказал ему Президент, – на ночь глядя пожаловал. Ладно, заходи. Как дела в регионе?

– Владимир Владимирович, ЖКХ развалено. Дороги разбиты. Заводы встали.

– Денег пришел просить? – спросил Президент.

– Как вы догадались? – удивился чиновник.

– А иди в жопу! – неожиданно крикнул Российский Лидер. Ошалевший от такого поворота губернатор выбежал за дверь. Уняв волнение, Глава Государства сел за рабочее место. Его взгляд скользнул по газете, лежавшей на столе. На первой полосе была фотография бабушки в подземном переходе. Она пыталась продать связку сушеных грибов. По его нутру пошла мелкая рябь. Сила этой ряби росла в геометрической прогрессии и вскоре заполнила все существо Национального Лидера. Он поднял трубку служебного телефонного аппарата и крикнул своему помощнику:

– Саш, сейчас от меня Дмитрий Юрьевич вышел. Дай ему все, что он хочет.

– Владимир Владимирович, он пятьдесят миллиардов просит! – возмутился помощник.

– Все отдай, – твердо ответил Президент. Рябь внутри утихла, и душа Владимира Владимировича вернулось к умиротворению. «Ангел там у них пашет без передыха... Ну а я здесь как раб на галерах», – недовольно подумал он и снова взял трубку.

– Саш, и вот еще. Позвони директору ФСБ, скажи, пусть найдет десять офицеров молодых... э-э-э, как бы с ангельской внешностью и привычных к холоду. Закажи в ателье крыльев белых десять пар и договорись с театральной студией, чтобы группу эту по методу Станиславского обучили правильным манерам. Легенду для них я завтра пришлю. Пусть будут готовы к дальним командировкам.

– Хорошо, Владимир Владимирович, вы бы спать ложились, поздно уже.

– Спасибо, Саш, так и сделаю.

Он не обманул помощника. Потушил лампу и лег спать. Завтра предстоял серьезный разговор с главами депрессивных регионов.



И. РОМАНОВСКАЯ

Сказка 8

В Академии ФСБ шла защита дипломов. Здание на Мичуринском проспекте кишело курсантами. Все очень волновались и держали пальцы крестиком. Хома Брут ждал, пока выйдет из аудитории его друг Саид Бельдыев. Очередь Хома была следующей. Его диплом назывался «Экзистенциальные ценности народов Евразийского Союза» и был основан на материале экспедиций в глухие сибирские и среднеазиатские поселения, на изучении быта простых людей.

Вскоре Саид вышел из аудитории.

– Ну как? – спросил Хома. Саид выглядел обессиленным.

– Еле вытянул, – ответил он, – валят.

Хома поник и опасливо вошел в аудиторию. В зале он увидел своего научного руководителя, оппонента и членов комиссии из преподавательского состава. Лица их были усталые и суровые. Научный руководитель сухо представил курсанта, сказал пару дежурных слов о дипломной работе и дал слово оппоненту.

– С трудом прочитал ваш труд, молодой человек, – начал оппонент, и Хома приготовился к самому худшему. – Диплом нельзя строить на сказках! У вас сплошные смысловые нестыковки, а местами просто бред какой-то!

«Прав Саид, – подумал Хома, – валят».

– Все ваши выводы ложны, суждения предвзяты, малахольны и нестройны. Вот, например, пассаж о том, что в основе российской идеологической матрицы лежит нестяжание, послушание и вера в высший порядок. Разве не химера? Я в курсе, что атлантическая цивилизация строится на личном обогащении, личной свободе и выборности власти, но нельзя же выводить евразийскую парадигму на примитивном противопоставлении Востока и Запада. Я ждал от этой работы большего, и я разочарован, – закончил оппонент и изобразил на лице надменную брезгливость.

Хома унял дрожь и начал защиту.

– Уважаемый оппонент, уважаемая комиссия, моя работа построена на многолетних экспедициях в глубинку, на дотошном изучении народов Евразийского Союза, их обычаев и нравов. Да, может показаться, что выводы достаточно примитивны и легковесны. Но! Они истинны. Их сила не в вычурности, не в витиеватости и не в ложной аналитичности, а в предельной ясности и точности. Я предвидел ваши обвинения в примитивизме, но, спешу вас заверить, в моем случае они совершенно беспочвенны.

Выдав этот пассаж, Хома внимательно оглядел комиссию и заметил, что лица преподавателей подобрели. Больше того, их взгляды начали выражать сочувствие. Хома приободрился и уверенно продолжил.

– Что касается противопоставления Востока и Запада, то мне показалось удобным использовать эту смысловую конструкцию, дабы сэкономить время – и мое, и ваше, но, если угодно, я могу прояснить ключевые моменты без каких-либо отсылок к войне между Атлантидой и Гипербореей.

Председатель комиссии расплылась в улыбке и ласково проворковала:

– Конечно, конечно, Хома, мы все с удовольствием слушаем.

Преподаватели дружно закивали головами. Одобрение было всеобщим. Курсант был удивлен столь резкой переменной эмоций у экзаменаторов, но решил об этом не думать и сосредоточится на дипломе.

– Основу евразийской идеологической матрицы составляет торжество, или, как говорили предки, слава. Причем речь идет не о славе отдельного человека, но о всеобщем торжестве, то есть о празднике жизни на всей территории Евразии. Как говорится, от Аляски до Лиссабона. Апофеозом такого праздника является Выставка достижений народного хозяйства. Западная

цивилизация подходит к своим технологиям с практической точки зрения. Превращает их в гаджеты. Для нас же любой технологический успех – это повод, чтобы построить дворец с фонтаном и купить шампанского. Особенно важно, что наши праздники имеют сугубо государственный и потому довольно официальный характер. Отражение этого мы можем наблюдать и в повседневной жизни евразийцев. Например, для иностранцев остается непонятым обычай среди российских мужчин выходить на улицу в выглаженной рубашке, а среди дам ежедневно использовать косметику, высокие каблуки и все то, что называется нарядным. При этом опытный исследователь евразийства сразу протянет ниточку от красивой русской женщины к красивому храму. И пусть меня повесят в тропическом саду на лиане, если мы не найдем тысячу стилистических параллелей между нарядом первой же дамы с улицы Москвы и Храмом Василия Блаженного.

Увлечшись защитой, Хома перестал следить за эмоциями членов комиссии, и когда он снова бросил взгляд на их лица, его ждал сюрприз. К экзаменаторам вернулся прежний усталого-агрессивный вид. А его оппонент и вовсе выглядел озлобленным.

– Юдашкина не хотите в качестве адвоката?! – резко выкрикнул оппонент. – Может, хватит юродствовать?!

Хома собрал всю волю в кулак и продолжал.

– Второй важнейшей составляющей евразийской идеологии является тепло, – произнес курсант, и лица членов комиссии перекосило еще больше. – Это мультисмысловая категория. Речь идет и о душевном тепле отдельного человека, и о тепле в отношениях между начальником и подчиненным, а также между мужем и женой, между государством и гражданами. Возьмите любой советский фильм, и он будет очень теплым. Сами персонажи и все, что они делают, все наполнено теплом. Апофеозом тепла в нашей стране является центральное отопление. Как вы знаете, такого больше нет нигде в мире.

Члены комиссии к ужасу Хома Брута вдруг снова расплылись в улыбках и посмотрели на него с огромной любовью.

– Как верно подмечено, – сказал оппонент, – продолжайте, пожалуйста, Хома.

Странное поведение преподавателей привело курсанта в душевное смятение. Лоб его покрылся испариной. В глазах потемнело.

– Третий компонент идеологической матрицы россиянина... – попытался сказать Хома, но запнулся. Его пошатнуло, и он взялся рукой за стену. Кто-то из членов комиссии открыл окно. Курсант глотнул свежего воздуха. Ему стало лучше. Однако он никак не мог сформулировать мысль. Она ускользала от него как кусок мыла.

– Я хотел донести, – пояснил Хома, волнуясь, – что нам чужды такие вещи, как выборность власти. Не наша это модель.

Члены комиссии начали успокаивать его и просили не торопиться. Оппонент и вовсе предложил закончить защиту, поскольку смысл и так понятен и ни к чему мучить юношу. Но Хома нашел в себе силы и вновь заговорил.

– Третий компонент евразийской матрицы – это доверие. Оно лежит в основе всех процессов, происходящих на нашей земле. У западных народов базовым понятием является договор. Они его даже между любящими людьми заключают! Евреи, как вы знаете, его с Богом подписывали, а протестанты с чертом. Нам это чуждо. Мы доверяем и супругу, и государю, и работодателю. Всем и всегда. Вот почему политическая конкуренция для Евразии инородна. Доверять можно только чему-то истинному, а разве истины бывает две или три? Итак, если собрать воедино все три компонента, мы получим нашу великую троицу: торжество, тепло и доверие. Смысловая параллель с названными в моей работе нестяжанием, послушанием и верой в высший порядок выстраивается сама собой.

– Вы духовную семинарию заканчиваете или Академию ФСБ?! – заорал оппонент, и его глаза покраснели от гнева. – Перед вами мальчишки сидят? Какой к черту высший поря-

док? Это у наших хитрых лентяев? Лежат на печке и не хрена не делают! Только «доверяют» остальным – работу, управление, образование, войну. Пошел вон отсюда!!!

Оппонент вытолкнул курсанта в коридор. Хома был раздавлен. Саид встретил его удивленно:

– Что случилось?

– Завалили, – грустно ответил Хома.

– Не расстраивайся, пересдашь, – попробовал успокоить его Саид. Приятели вышли из Академии и направились в ближайший паб. Сколько Хома ни пытался понять произошедшее, оно не укладывалось у него в голове. Он был подавлен. Когда они выпили по паре кружек пива, у него зазвонил мобильный. Номер не определился.

– Здравствуй, Хома, – послышался в трубке голос, похожий на Президента, – Диплом у тебя хороший. Я два раза перечитал. По поводу комиссии не переживай. Они не виноваты. Это сотрудники наши в соседнем здании комплекс РЭБ «Стерлитамак-2» испытывали. Комиссия возле окна сидела, вот и не повезло им. Я этим горе-испытателям взбучку устроил. Приходи завтра на Лубянку, третий этаж кабинет 27. Контракт на твое имя уже подписан.

– Слушаюсь, товарищ Главнокомандующий! – произнес Хома, и тепло широкой рекой разлилось по его телу.

– Мне доверили! – крикнул он приятелю.

– Празднуем! – ответил Саид.

И они заказали гуся в яблоках.

Сказка 9

В некотором царстве, в некотором государстве, от которого в какую сторону ни скачи, упрешься либо в газопровод, либо в зенитно-ракетный комплекс С-400, в пятиэтажном панельном доме, прозванном в народе хрущевкой, жил-был Иван и сидел целыми днями у окна. В окне виднелся пруд. Иван смотрел на пруд и думал: «Придет зима, пруд замерзнет, мужики проделают полынью, а я выйду и поймаю щуку». Еще в доме стоял компьютер с интернетом. И мать предупреждала Ивана: «Смотри, Иван, не включай компьютер». Но как Иван ни крепился, а запрет нарушил. Зашел он в родительскую комнату, и оказался в интернете. На экране возник Дядя Сэм. Укоризненный, сухой старикан западной внешности проорал: «Подыми зад, кусок дерьма. Новая жизнь ждет тебя, пока ты не сгнил в своем панельном болоте. На вот, пройди по ссылке». Иван посмотрел. «Работа в Испании. Оплата в евро». «Опа!» – подумал Иван. Позвонил куда следует. Получил визу. Сел в самолет. Прилетел в Барселону. И оказался в загородном доме, где жили такие же, как он, ребята евразийской внешности. Выяснилось, работать надо проституткой для турецких султанов, приезжающих сюда поразвлечься. «Дурочина, я простофиля», – хлопнул себя по лбу Иван и ушел из коттеджа. По дороге пришла эсэм-эска от матери: «Как дела сынок, только что была у пруда и видела щуку, ты где?». Пригорюнился Иван, сел на обочину в шести тысячах километрах от дома, заплакал горькими слезами и драл на себе одежду и волосы, грыз на руке вену. В то время мимо проезжал желтый «Ламборджини», из окна которого выглянула небритая рожа и спросила:

– Что пригорюнился, мил человек? Случаем, не русский?

– Евразийский я! – ответил со слезами Иван.

– Садись, довезу, – пригласил незнакомец. Сел Иван в «Ламборджини» и рассказал свои горести. Водитель о себе тоже поведал:

– Уехал я однажды из Евразии и опустился здесь на чужбине на самое дно. Все никак не выберусь. Тошно мне тут от бездуховности. Но ты не грусти. Я тебе помогу. Есть у меня большая тайна. Знаю, как щуку тебе поймать. Помнишь, как в сказке: взял Емеля ведро и пошел за водой? Вот и ты так же попробуй.

Рассказал добрый человек Ивану, что сделать, чтобы волшебную рыбу добыть, довез до аэропорта и отправил на Родину. Долго ли, коротко ли летел Иван, а очнулся в Евразийском экономическом союзе. Тут его мать встретила, обрадовалась, накормила, ванную наполнила. Подождал Иван, пока мать спать ляжет, вошел в комнату с компьютером и отправил письмо в управу района. Через час воду в домах отключили. Переполох случился. Водовозка подъехала. Люди с бидонами на улицу высыпали. А Иван с ведром к пруду направился. Вытащил он ведро, а там – щука. Жирная, чешуей на солнце сверкает. Взмолилась щука человеческим голосом:

– Отпусти меня, Ваня, я любое твоё желание исполню!

– Хочу, чтобы в Сирии наступил мир и порядок.

– Будь по-твоему, – щука вильнула хвостом и была такова. Иван от неожиданности вздрогнул: «Вот те на. Кто это сказал?» Обернулся, а перед ним Президент. Онемел Иван. Сердце замерло.

– Не бойсь, Иван. Держи орден «За заслуги перед Отечеством». Очень ты стране помог. Правда, не обессудь, за письмо в управу двучечку отсидеть придется. А как выйдешь, отправим в Европу. Машина у тебя будет желтая, будут и деньги на карманные расходы. Давно мы за тобой следили. Волшебную рыбу по евразийскому сценарию может только наивный, заблудившийся в жизни млодец поймать, такой, как ты. Но и тебе щука лишь раз в жизни дается. Не переживай, будут у тебя еще важные задания от Родины.

Владимир Владимирович улетел на вертолете, а Иван долго смотрел вслед Президенту и радовался. Его жизнь приобретала наконец реальный смысл.

Сказка 10

Небрежно шлепая трехпальными ступнями, вышел верблюд. Шерсть на его теле висела неряшливыми комьями и перемежалась с огромными проплешинами. Зверь направился к центру студии. Профессиональные зрители зашептались.

- Весенняя линька у него.
- Жутковатый видок.
- Могли бы постричь, что ли...

Верблюд лениво постоял под софитами, потом сделал челюстью пару жевательных движений и опустился на пол. Взгляд его был надменным и безразличным. Несколько минут в студии ничего не происходило. Гул от зрителей, сидевших на подиумах, становился все сильнее. Прозвучал сигнал начала эфира. Все смолкли. В зал вошел ведущий. Изобразил улыбку. И понеслось.

– Приветствую всех тех, кто сидит в этой студии, и тех, кто в нетерпении прильнул к экранам планшетов и ноутбуков. Добрый вечер. Наше шоу будет транслироваться непрерывно и до тех пор, пока мы не достигнем желанного результата. Результата, который потрясет всю мировую общественность.

Зрители захлопали в ладоши.

– Итак, в ходе этого грандиозного шоу впервые в истории человечества наш отечественный верблюд пройдет сквозь игольное ушко и попадет в Книгу рекордов Гиннеса. Впрочем, если эксперимент будет успешным, никакая Книга рекордов этому миру уже не понадобится!

Зал взорвался продолжительными аплодисментами.

– На экранах, расположенных справа и слева от меня, будут транслироваться мысли животного, передаваемые с помощью новосибирских чипов, вживленных в его мозг. Таким образом мы вместе с верблюдом пройдем это уникальное испытание, практиковавшееся еще древними евреями, к сожалению, не добившимися в нем заметных успехов.

Верблюд повернул голову в сторону ведущего, и взгляд его начал приобретать признаки осмысленности. Ведущий продолжал.

– Я со своей стороны с помощью компьютерной технологии смогу общаться с животным на понятном ему языке. Уже в данный момент он прекрасно понимает, о чем идет речь. Вы также сможете передавать ему свои вопросы, ответы на которые увидите на экранах.

По углам студии зажглись огромные мультимедийные панели, и зрители увидели первую мысль животного: «Что мне за это дадут?» – думал верблюд.

– Практичная скотина, – пошутил ведущий, и обратился к верблюду: – Президент Российской Федерации обещал, что, когда стартует программа верблюдозамещения, ты станешь главным отечественным производителем и все будущее поколение российских верблюдов произойдет от тебя.

«Где игла?!» – животное встало и начало жадно шарить глазами вокруг.

Ведущий заулыбался. Зрители еле сдержались, чтобы не загоготать.

– Она в самом центре. Не убежит...

Верблюд недоверчиво начал ходить вокруг центра студии, высматривая жертву. Он сделал три круга, пока что-то металлическое не блеснуло в лучах софитов.

Игла лежала перед ним. Крошечная и милая. Ее открытое ушко беззащитно смотрело вверх. Верблюд заметался в хаотичных мыслях. Он думал обо всем сразу. На экранах еле успевали сменять друг друга отрывочные душевные всполохи зверя: «Как же она чудесна. У меня никогда не было такой... Она необыкновенная. Так прекрасно блестит... Но как я пройду сквозь ее ушко? Может, это вовсе не ушко? Может, это...»

Верблюд опустил на пол, вытянул шею и приблизил свою морду к игле. Попытался лизнуть ее, но, уколовшись, отдернул язык. К надменности на его морде прибавились обида и недоумение.

Тут встрял ведущий.

– У нас экстренные новости из Вашингтона. На прямой связи со студией корреспондент Первого канала Владислав Королев. Мы слушаем вас, Владислав.

Вместо мыслей верблюда студийные экраны начали транслировать картинку из Вашингтона. Журналист стоял перед толпой демонстрантов у российского посольства. Толпа бесновалась, кричала и трясла плакатами. На транспарантах виднелись надписи: «Russians, hands off the needles», «Freedom needle», «Putin's camel go home».

– Буквально несколько минут назад, когда подробности происходящего в московской студии попали в мировые СМИ, вашингтонские власти выступили с заявлением. Цитирую: «Госдепартамент США осуждает аннексию российским животным независимого игольного ушка. Америка категорически против использования его для прохода российских верблюдов. Агрессивный шаг Москвы попирает международные нормы и не останется без адекватного ответа. С сегодняшнего дня мы замораживаем счета российских верблюдов и запрещаем им въезд на территорию Соединенных Штатов. Соответствующая нота направлена российскому послу». Вот так, товарищи, американский истеблишмент в очередной раз обнажил свою дурно пахнущую изнанку. Гегемония США на земном шаре давно закончилась, но похоже ястребы из Вашингтона не смирились с потерей мирового господства. Как отметил Президент Российской Федерации, игольное ушко – это зона наших исконных национальных интересов и наши верблюды будут свободно входить и выходить из него столько, сколько потребует текущая геополитическая обстановка. Так что со стороны России вопрос считается закрытым.

Демонстранты закидали корреспондента Первого канала жестяными банками, наполненными иглами и деревянными фигурками верблюдов, разукрашенными под российский военный камуфляж. Связь с Вашингтоном прервалась.

– Ну, что ж... – отреагировал ведущий. – Очередной вброс или, вернее сказать, слив со стороны Западного Континента. Честно говоря, мне все равно, что они думают. Мы продолжаем шоу. Итак, внимание на верблюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.